

М. М. КРОМ

«ЗАПИСКИ» С. ГЕРБЕРШТЕЙНА И ПОЛЬСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О РЕГЕНТСТВЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ

Среди иностранных свидетельств о России XVI в. «Запискам о московитских делах» (в немецком издании — «Московия») Сигизмунда Герберштейна (1549 г.) принадлежит особое место. Изложение событий при московском дворе доведено в этом сочинении до конца правления Елены Глинской, т. е. до 1538 г. Известия Герберштейна о борьбе за власть в привящих кругах Русского государства в 1530-е годы еще со времен Н. М. Карамзина прочно вошли в научный оборот, их активно используют современные исследователи этой эпохи.¹ Однако содержащаяся в «Записках» информация о событиях 1533—1538 гг. до сих пор не подвергалась специальному источниковедческому анализу. Между тем, учитывая, что после второго посещения Москвы в 1526 г. больше Герберштейн в России не бывал, важно выяснить, откуда он мог почерпнуть сведения о последующих событиях в Русском государстве и насколько сообщаемой им информации можно доверять. В данной статье мы попытаемся ответить на эти вопросы, используя комплекс польских известий о внутренней жизни Московии 30-х годов XVI в., не попавших до сих пор в поле зрения исследователей.

Об интересующих нас событиях Герберштейн говорит в своих «Записках» дважды: сначала под рубрикой «Обряды, установленные после венчания великого князя», в рассказе о втором браке Василия III, а затем в разделе «Хорография» — в связи с биографией князя Михаила Глинского.² В этом сообщении Герберштейна можно выделить три сюжетных компонента: 1) назначение Михаила Глинского опекуном малолетних сыновей Василия III; 2) конфликт Михаила со своей племянницей — вдовой великого князя Василия Ивановича, гибель Глинского в темнице; 3) смерть самой Елены от

¹ См.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.: Л., 1958. С. 36—37, 75; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 229—230; Юрганов А. Л. Политическая борьба в 30-е годы XVI века // История СССР. 1988. № 2. С. 109.

² Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Viena, 1549. I. XIII 2-й пагин., I. XXV 3-й пагин. (далее: Herberstein). Новый перевод: Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А. И. Мадленя и А. В. Назаренко. М., 1988 (далее: Герберштейн).

яда и расправа с ее фаворитом Овчиной. Каким образом, однако, австрийский дипломат мог узнать все эти подробности придворной жизни 1530-х годов?

Некоторые указания на этот счет содержатся в самом тексте «Записок»: к известию о гибели в темнице Михаила Глинского и отравлении великой княгини Елены Герберштейн прибавляет «как говорят» (aiunt),³ т. е. источником его информации служили слухи. Направление дальнейших поисков может подсказать дневник Герберштейна, в котором зафиксированы маршруты его дипломатических миссий во второй четверти XVI в. Оказывается, самые тесные контакты связывали австрийского дипломата в эти годы с Польшей: он дважды добывал там в 1529 г., затем принимал польских послов в Вене в 1535 г., снова посетил Польшу в 1539 г., приезжал туда в 1540, 1543, 1545, 1550 и последующие годы.⁴ Кроме того, в 30-е годы XVI в. между польским и австрийским дворами велась оживленная переписка, часть которой отложилась в фонде «Полоника» Венского государственного архива.⁵ Не по этим ли каналам получил С. Герберштейн те сведения о московских делах, которые потом появились на страницах его «Записок»? Для проверки этого предположения нужно сопоставить анализируемый текст Герберштейна с польскими источниками, повествующими о событиях в России в 30-е годы XVI в. Сравнение будет удобнее вести по выделенным выше сюжетным линиям. Первая из них — создание регентства при малолетнем Иване IV.

О назначении Василием III Михаила Глинского опекуном над сыновьями Иваном и Юрием Герберштейн сообщает почти одними и теми же словами в главе об обрядах и в «Хорографии». Так, в этой последней читаем: «Государь возлагал на него (Глинского. — М. К.) большие надежды, так как верил, что благодаря его доблести сыновья будут на царстве (in regno) в безопасности со стороны братьев (Василия III. — М. К.), и в конце концов назначил его в завещании опекуном над своими сыновьями».⁶ В немецком издании 1557 г. Герберштейн внес сюда добавление: «назначил...опекуном наряду с некоторыми другими (разрядка моя. — М. К.)».⁷ Итак, с учетом поправки 1557 г. описанная Герберштейном ситуация выглядит следующим образом: Василий III, опасаясь притязаний своих братьев на престол, поручил сыновей опеке Михаила Глинского и еще нескольких лиц.

Теперь обратимся к польским известиям о ситуации, возникшей при московском дворе после смерти Василия III: эти данные еще не привлекались исследователями. Наиболее ранние из них содержатся в дипломатической переписке конца 1533—1534 г., дошедшей до нас в составе коллекции «Акта Томциана».⁸ Согласно этим документам, первое известие о смерти Василия III пришло в Вильно из Полоцка

³ Herberstein, I. XIII 2-й шпалт.; Герберштейн. С. 88.

⁴ Fontes rerum Austriacarum, Abt. I, Bd I. Wien, 1855. S. 285—289, 316, 322—328, 344—345, 364—366.

⁵ См.: Zivier F. Neue Geschichte Polens. Gotha, 1915. Bd I, S. 395. Anm. 1.

⁶ Herberstein, I. XXV 3-й шпалт. Перевод уточнен мною по сравнению с имеющимся (ср.: Герберштейн. С. 191).

⁷ Герберштейн. С. 191 и подстрочный аппарат с. 192 (вар. «1—3»).

⁸ Acta Tomiciana. T. I—XVII. Romaniae, etc., 1852—1966 (далее: АТ).

и других пограничных мест 24 декабря 1533 г., т. е. на 20-й день (московский государь умер в ночь с 3 на 4 декабря⁹). В том же сообщении говорилось о том, что братья покойного хотят лишить власти его малолетнего сына-наследника.¹⁰ В январе 1534 г. прусский герцог Альбрехт получил из Вильно известие о смерти Василия III и назначении им опекунов над своим наследником. Доверенное лицо Альбрехта при королевском дворе, Н. Нипшиц, сообщил ему в послании от 6 января, что, согласно приходящим из Москвы слухам, покойный великий князь назначил трехлетнего сына своим преемником, «а князя Юрия (herczog Yurg), своего двоюродного(!) брата (feter), — опекуном...».¹¹ Через неделю Нипшиц сделал приписку к этому письму, сообщив между прочим, что «этот князь Юрий (der herczog Yurg), который должен быть опекуном, сам хочет быть великим князем», из-за чего в Москве может начаться «внутренняя война».¹² Другой виленский корреспондент Альбрехта, М. Зборовский, писал ему 10 января, что королем получено надежное известие о смерти «Московита», который перед кончиной назначил своим преемником малолетнего сына и поручил его опеке «двух своих первосоветников» (duobus ex primariis consiliaris), чему не противились братья великого князя, но после смерти последнего лишь старший из них признал установленную опеку, младший же не принял во внимание распоряжений покойного.¹³

Из вышеприведенных известий видно, во-первых, что с самого начала постоянной темой слухов, доходивших до столицы Литвы, стали претензии братьев покойного Василия III на престол, а во-вторых, создается впечатление, что сначала в Литве считали регентом старшего из оставшихся в живых братьев великого князя — Юрия, но затем постепенно выяснилось, что опекунами являются другие лица. В этой связи интересно сообщение Нипшица герцогу Альбрехту от 15 января: «Тот предполагаемый опекун (formid gezecz) уже схвачен: он вел интриги, чтобы самому стать великим князем. Опекунами являются трое других господ (andre drey hern formuden)...».¹⁴ В этом известии слышны отголоски упомянутого в летописях события — «поймания» 11 декабря 1533 г. удельного князя Юрия.¹⁵ Кроме того, Нипшиц здесь впервые горорит, что опекунов было трое. То же их число он называет в письме Альбрехту, написанном около 26 января: он пишет, что в этот день должно прибыть московское посольство с известием о смерти великого князя, который назначил трехлетнего сына своим преемником; от имени последнего будут править «3 господина, которые стали опекунами», «каковые опека и управление должны продлиться в течение 15 лет».¹⁶

Дальнейшее развитие эта версия событий получила в Хронике Бернарда Вавпского, донесенной до лета 1535 г. Эта хроника — самый ранний из дошедших до нас нарративных источников, упомина-

⁹ ИСРЛ. С116., 1853. Т. 6. С. 274—275.

¹⁰ АГ. 1957. Т. XV. N 601. P. 864.

¹¹ Ibid. 1960. Т. XVI. Pars I. N 11. P. 21.

¹² Ibid. P. 22.

¹³ АГ. Т. XVI. Pars I. N 18. P. 32—33.

¹⁴ Ibid. N 38. P. 68.

¹⁵ ИСРЛ. С116., 1859. Т. 8. С. 286; С116., 1904. Т. 13. Ч. 1. С. 77—79.

¹⁶ АГ. Т. XVI. Pars I. N 73. P. 156.

кши» о создании регентства при малолетнем Иване IV. Вот что сообщает Ваповский о последней воле Василия III: «Перед самой зимой (1533 г. — М. К.) Василий, князь москочитов, проболел некоторое время, скончался, оставив по завещанию своим наследником четырехлетнего сына и при нем — трех правителей (*gubernatores*), которым больше всего доверял; среди них был Михаил Глинский, литовец, которого он (Василий. — М. К.), освободив из долгого заключения и женившись на его племяннице (от которой имел сына), возвысил до большого могущества».¹⁷

Приведенный фрагмент хроники Ваповского даже в деталях совпадает с рассказом Герберштейна о назначении М. Глинского и еще нескольких лиц опекунами малолетнего наследника. Впрочем, заимствование автором «Записок о Московии» этих сведений именно у Б. Ваповского маловероятно. Во-первых, сам Герберштейн, как уже говорилось, ссылается на слухи, а не на автора какого-либо сочинения, а во-вторых, после смерти Б. Ваповского (осень 1535 г.) рукопись его неоконченной хроники исчезла при неизвестных обстоятельствах и лишь в 1589 г. была опубликована (и то не полностью).¹⁸ Отмеченное сходство в изложении этого эпизода скорее объясняется тем, что и Ваповский, и Герберштейн использовали одни и те же источники — те самые слухи, которые приходили в Польшу и Литву из Московии в середине 30-х годов XVI в. Насколько, однако, этой информации можно доверять?

Прежде всего, просматривая корреспонденции из Вильно за конец 1533—начало 1534 г. в хронологическом порядке, можно заметить, как постепенно уточнялись сведения, поступавшие в литовскую столицу из Москвы. Кроме того, в письмах нескольких лиц из Вильно в январе 1534 г., с одной стороны, и в Хронике Ваповского — с другой — содержится сходная информация относительно последних распоряжений Василия III. Но главным аргументом в пользу достоверности этих польских известий служит то, что они находят соответствие в русских летописях. Летописная Повесть о смерти Василия III сообщает о том, что великий князь незадолго до кончины, оставив при себе Михаила Захарьина, Михаила Глинского и Ивана Шигону-Поджегна, «приказав о своей великой княгине Елене, како ей без него быти и как к ней боярам ходити, и о всем им приказа, како без него царству стронитися».¹⁹ Исследователь Повести, С. А. Морозов, пришел к выводу, что именно этих троих (Захарьина, Глинского и Шигону) Василий III назначил опекунами своего наследника.²⁰ Как видим, рассмотренные выше польские известия (а значит, и основанный на них текст Герберштейна) в данном случае вполне достоверны, а то, что из трех опекунов Герберштейн и Ваповский называют имя только одного Михаила Глинского, вполне

¹⁷ *Kroniki Bernarda Wapowskiego... część ostatnia*. Kraków, 1874. S. 249 (далее: *Wapowski*).

¹⁸ См.: Михайловская Л. Л. Белоруссия и Литва конца XIV—первой трети XVI в. (По материалам хроники Бернарда Ваповского). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1981. С. 8.

¹⁹ ПСРЛ. Л., 1929. Ч. 1. Вып. 3. С. 559; Т. 6. С. 272.

²⁰ Морозов С. А. Летописные повести из истории России 30—70-х годов XVI века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 14.

понятно: этот князь-авантюрист оставил по себе долгую память и в Литве с Польшей, и в Европе.

Хотя фактическая основа в рассказе о событиях 1530-х годов в Москве заимствована Герберштейном из польских известий, расположение материала и его интерпретация подчинены в «Записках» авторскому замыслу. Так, согласно полученным в Вильно в январь 1534 г. известиям, братья Василия III обнаружили свои притязания на власть уже после смерти великого князя и установления регентства, между тем как Герберштейн мотивирует назначение М. Глинского опекуном именно опасениями Василия III за судьбу престола и надеждой на то, что князь Михаил сумеет оградить сыновей великого князя от грозящей им со стороны их дядей опасности.²¹ Вероятно, Герберштейн истолковал полученные им сведения, опираясь на свои впечатления, вынесенные из двух поездок в Москву (в 1517 и 1526 гг.). В частности, о недоверии Василия III к своим братьям он неоднократно говорит в «Записках».²²

Следующий эпизод внутривосточной истории 30-х годов, о котором рассказывает Герберштейн, — конфликт между Михаилом Глинским и его племянницей, великой княгиней Еленой. Причиной столкновения, согласно автору «Записок», была критика, высказанная Глинским в адрес великой княгини. «После смерти государя, — пишет Герберштейн, — видя, что вдова поворит царское ложе с неким боярином по прозвищу Овчина и, заключив братьев мужа в оковы, свирепствует и правит еще более жестоко, он (Глинский. — М. К.), движимый лишь благочестием и добродетельностью (*pietate ac honestate*), не раз унещевал ее жить достойнее и целомудреннее», но этим только наклеп на себя гнев Елены и был заточен в темницу.²³

Нарисованная Герберштейном нравоучительная картина очень далека от реальных событий лета 1534 г., когда Михаил Глинский действительно был арестован. Прежде всего сразу бросается в глаза анахронизм: князь Михаил в 1534 г. никак не мог видеть «заклечения в оковы» обоих братьев Василия III, ибо младший из них, князь Андрей Старичий, был схвачен лишь в 1537 г., когда М. Глинского уже не было в живых.²⁴ Кроме того, единственной виновницей гибели Михаила автор «Записок» изображает Елену Глинскую, однако роль полновластной правительницы, приписываемую ей здесь Герберштейном, она стала играть не сразу после смерти мужа, великого князя Василия, и не летом 1534 г., а несколько позднее. Как установил А. Л. Юрганов, изменение в политическом статусе Елены, выразившееся в появлении «формулы регентства» (в частности, титула государыни), произошло лишь после ареста Михаила Глинского.²⁵ Показательно, что беглецы из Пскова, сообщая в сентябре 1534 г. в Литве об аресте М. Глинского и еще нескольких лиц, даже не упомянули в этой связи имени великой княгини Елены.²⁶

²¹ АТ. Т. XVI. Pars I. N II. 18, 38, 73. Ср.: Герберштейн. С. 87—88, 191.

²² Герберштейн. С. 72, 87—88.

²³ Herberstein. f. XIII. Пережид мой (ср.: Герберштейн. С. 88).

²⁴ М. Глинский умер в тюрьме в сентябре 1536 г., Андрей Старичий «поиман» в июне 1537 г. (ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 28, 29—30).

²⁵ Юрганов А. Л. Политическая борьба... С. 105—106.

²⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее: АЗР). СПб., 1848. Т. 2. № 179/III. С. 333.

То, что под пером австрийского дипломата выглядит как семейный конфликт между добродетельным дядей и порочной племянницей, в действительности было борьбой за власть между придворными группировками, которой сумела воспользоваться Елена Глинская для упорочения своего положения и в качестве регентши. Отголоски этой борьбы доходили до соседней Литвы: упоминавшийся выше Николай Нипшиц писал из Вильно 28 августа 1534 г. (возможно, со слов перебежавших тогда в Литву знатных «москвитов» Семена Бельского и Ивана Ляцкого) герцогу Альбрехту, что в Москве даже не две, а четыре или пять «партий» (teil) ведут борьбу за власть.²⁷

Упоминание о фаворите Елены Глинской «Овчине» (Иване Федоровиче Тепленеве-Оболенском по прозвищу Овчина) заимствовано Герберштейном, несомненно, из польских источников. Однако в польско-литовской дипломатической переписке за 1534 г. имени «Овчины», как и самой Елены Глинской, мы не найдем, и это вполне понятно: оба они еще не играли тогда столь заметной роли при московском дворе, чтобы обратить на себя внимание литовских и польских сановников. В показаниях бежавшего в июле 1534 г. из русского плена жолнера Войтеха князь Иван Овчина упомянут среди лиц, которые «ничего не спрашивают, только мажут их з людьми послати, где будет потреба».²⁸ О нем и о великой княгине Елене заговорили в Литве лишь в начале 1535 г.: к тому времени определился статус Елены как регентши, выросла роль ее фаворита при дворе, и сведения об этих переменах в Москве просочились в Литву. Тот же Н. Нипшиц в письме от 3 марта 1535 г., адресованном епископу г. Кульма (Хельмно) Яну Дантышке, сообщает об услышанном от пленных «москвитов» занятном анекдоте (eyn guten schwank), который он, однако, не хочет доверять бумаге. Впрочем, Дантышек и так понимает, в чем суть дела: речь в «анекдоте» идет о великой княгине и опекуне «по имени Овчина» (Offeczyna gepannt). По словам Нипшица, «Овчина является опекуном и днем и ночью» (bey tag und nacht).²⁹ Интересно, что Дантышек в свою очередь в письме советнику императора Карла V Д. Шенперу от 23 декабря 1535 г. сообщает, что у взятого в плен под Стародубом воеводы «по имени Овчина»³⁰ есть брат, который при вдове князя Московского «как бы заменяет собой супруга».³¹ Вероятно, аналогичным путем эти пикантные подробности дошли и до Герберштейна.

Поскольку в польской дипломатической документации имена Елены и «Овчины» появляются только с весны 1535 г., а доведенная до этого же времени Хроника Ваповского их не упоминает, можно полагать, что информацию об исключительной роли этих лиц при московском дворе Герберштейн мог получить не раньше 1535 г. С другой стороны, пассаж о заключении в оковы обоих братьев Василия III, как уже говорилось, мог появиться только после 1537 г.

²⁷ АТ. 1961. Т. XVI. Part 2. N 435. P. 112.

²⁸ АЗР. Т. 2. № 179/II. С. 331.

²⁹ АТ. 1966. Т. XVII. N 139. P. 198.

³⁰ При взятии польско-литовскими войсками Стародуба в августе 1535 г. в плен попал Ф. В. Овчина-Оболенский, двоюродный брат Ивана Федоровича (ИСПЛ. Т. 29. С. 19).

³¹ АТ. Т. XVII. N 593. P. 740.

Но под этими напластованиями в анализируемом фрагменте «Записок о Московии» проглядывает фактическая основа, относящаяся к 1534 г.: арест Михаила Глинского по обвинению в измене. По словам Герберштейна, великая княгиня, разгневанная поучениями дяди, стала искать способ его погубить. «Предлог был найден: как говорят, Михаил через некоторое время был обвинен в измене, снова ввергнут в темницу и погиб жалкой смертью». ³² В немецком издании 1557 г. Герберштейн подробнее передал выдвинутое против Глинского обвинение: его обвинили «в намерении предать детей и страну польскому королю». ³³ Источником информации и в данном случае, видимо, послужили ходившие об этом в Польше слухи («как гонорят...»). Подобный слух уже в сентябре 1534 г., т. е. спустя месяц после заключения Михаила в темницу, принесли в Литву беглецы из Пскова: они сообщили, что в Москве арестован ряд лиц, включая Михаила Глинского, «за имали их для того, иж их обмолвлено, ижбы были мели до Литвы схати». ³⁴

Итак, нет ни одного факта в рассмотренном фрагменте «Записок», который не находил бы соответствия в польских и литовских источниках. При этом под пером знаменитого путешественника произошло наложение разновременных слухов друг на друга. В результате рассказ Герберштейна о крушении карьеры Глинского получился анахроничным и малодостоверным. Автор не очень заботится не только о хронологии, но и о логике изложения и порой противоречит сам себе. Так, сначала он объясняет назначение Глинского опекуном желанием Василия III обезопасить своих детей от возможных покушений их дядей, а чуть ниже изображает того же князя Михаила заступником за братьев покойного государя перед его вдовой! ³⁵

Гораздо достовернее об отношениях братьев Василия III с опекунами его наследника говорят польские источники 1534—1535 гг. Выше уже приводились январские известия 1534 г., явившиеся отголоском ареста в декабре 1533 г. Юрия Дмитровского. Не менее интересные сообщения о позиции, занятой после смерти Василия III другим дядей Ивана IV, Андреем Старциком. В цитированном нами уже послании М. Зборовского герцогу Альбрехту от 10 января 1534 г. говорится, что после кончины «Москоница» (т. е. великого князя Василия. — М. К.) лишь старший из его братьев не противится установлению опеки, младший же не желает с нею считаться, из-за чего может начаться «великий раздор», особенно если «цвет знати» «прижмнет в этом деле к самому младшему брату». ³⁶ Н. Нипшиц 2 марта того же года сообщил Альбрехту о «великом разногласии и раздоре в Москве между взрослыми братьями (Василия III. — М. К.) и юным великим князем». «Князь Юрий (herczig Jorge), брат покойного, уже схвачен, — писал Нипшиц, — и теперь его, может быть, нет в живых, а князь Андрей (herczig Andresz), другой брат, привлек к себе многих людей ... с намерением свергнуть мальчишка и самому стать великим князем». ³⁷

³² Герберштейн. С. 88.

³³ Там же. Подстрочный аппарат (вар. «о—о»).

³⁴ АЗР. Т. 2. № 179/III. С. 333.

³⁵ Герберштейн. С. 87—88.

³⁶ АТ. Т. XVI. Pars I. N 18. P. 33.

³⁷ Ibid. N 145. P. 281.

Эти известия представляют большой интерес, так как русские источники очень глуко сообщают об отношениях Андрея Старицкого с великокняжеским окружением вскоре после смерти Василия III. Известно, правда, что в 7042 (1533/34) г. он дал крестоцеловальную запись великому князю Ивану и его матери.³⁸ Кроме того, некоторые летописи сообщают о том, что в январе 1534 г. князь Андрей «бил челом» великому князю и его матери, «припрашивая к своей вотчине городов». В этой просьбе удельному князю отказали, дав вместо городов «шубы и кубки и кони», тогда князь Андрей уехал к себе в Старицу, «а учал на великого князя и на его мать на великую княгиню гнев держати о том, что ему отчины не придали».³⁹ Однако о том, что Андрей претендовал тогда на великокняжеский престол, летописи не сообщают: это известие содержится лишь в польских источниках. Впрочем, к этим сведениям приходится относиться с большой осторожностью: среди них встречаются и явно недостоверные. Так, например, подканцлер Польского королевства Петр Томицкий 8 апреля 1534 г. извещал гвезденского епископа М. Дженецкого (со ссылкой на письма из Литвы) о том, что «Андрей, младший брат покойного князя Московского, единодушно и со всеобщего согласия был избран князем Московским».⁴⁰ На малую достоверность слухов обращали внимание сами современники. Так, Ян Хоенский, перемышльский епископ, писал в июне 1534 г. из Вильно одному из своих корреспондентов: «...о московских делах ежедневно (!) приходят различные сомнительные и противоречивые слухи, так что доверять им было бы неосторожно».⁴¹ Однако при соблюдении критического подхода к подобному роду источникам они могут дать исследователю немало ценного.

Сказанное относится и к известию о братьях Василия III, содержащемуся в Хронике Б. Ваповского. «Георгий и Андрей, дядя юного великого князя Московского, — пишет Ваповский, — явно готовили государственный переворот и помышляли о княжеском престоле; Георгий, приведенный правителями к покорности, был взят под стражу, Андрей (же) спасся бегством...».⁴² То, о чем здесь пишет Ваповский, похоже на отголоски реальных событий декабря 1533—января 1534 г. (включая бегство князя Андрея в Старицу). Но вслед за этим правдоподобным сообщением в Хронике помещен красочный, но весьма сомнительный рассказ о действиях старицкого князя: «Андрей спасся бегством и, собрав войско, стал страшен правителям, в течение некоторого времени нес опеку над мальчиком (Иваном IV. — М. К.) и, освободив брата Георгия из тюрьмы (!)... схватил Михаила Глинского, одного из опекунов маленького князя, (мужа) необыкновенного дарования и не знающей покоя души (из-за чего он и был взят под подозрение), и, заковав в железные цепи, бросил в тюрьму».⁴³

Интересно сравнить это свидетельство Ваповского с рассмотренным выше сообщением Герберштейна об обстоятельствах ареста М. Глинского. По смыслу они почти противоположны, но при этом

³⁸ Опенс Парского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 61.

³⁹ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13. Ч. 1. С. 91; Ч. 2. С. 428.

⁴⁰ AT. T. XVI. Pars I. N 235. P. 438.

⁴¹ Ibid. N 314. P. 585.

⁴² *Wapowski*. S. 249.

⁴³ Ibid.

очень схожи во многих деталях. Оба актора дают очень лестную характеристику Глинскому и называют его опекуном много великого князя. Но сообщение Герберштейна похоже на обратное отображение рассказа Ваповского: если, по Ваповскому, Михаил Глинский был брошен в тюрьму Андреем Старицким, то, согласно Герберштейну, князь Андрей (как и его старший брат Юрий) находился якобы в заточении, а Глинский хлопотал за обоих братьев перед Еленой. И Хроника Ваповского, и «Записки о московских делах» Герберштейна содержат искаженную картину событий лета 1534 г. Однако сам характер этого искажения говорит о разновременности информации, использованной в каждом из этих сочинений. В основе рассказа Ваповского лежат известия 1534 г., полученные в Литве и Польше, когда ходили упорные слухи о приготовлениях Андрея Старицкого к занятию престола. Герберштейн же использовал информацию о событиях 1534 г. (опять-таки польскую), так сказать, в поздней «редакции», поэтому у него на переднем плане оказались Елена Глинская и ее фаворит «Овчина», о которых Ваповский даже не упоминает.

Последний эпизод из жизни московского двора, о котором идет речь в сочинении австрийского дипломата, это — смерть Елены Глинской и казнь ее фаворита. Сообщение о гибели Михаила Глинского в темнице, Герберштейн продолжает: «...по слухам, и вдова (Елена. — М. К.) немного спустя была умерщвлена ядом, а обольститель ее Овчина был рассечен на куски». ⁴⁴ Приведенный текст читается в главе о придворных церемониях и обрядах, а затем повторен почти в тех же словах в «Хорографии». ⁴⁵ Это относится к латинской версии «Записок»; в немецкое же издание 1557 г. автор внес ряд изменений. Р. Г. Скрынников обратил внимание на то, что в издании 1557 г. было снято известие об отравлении Елены, что объясняется, по мнению историка, тем, что Герберштейн к тому времени «удостоверился ... в неосновательности молвы». ⁴⁶ Однако, во-первых, сомнительно, чтобы спустя восемнадцать лет после смерти Елены Глинской Герберштейн мог получить какие-то новые сведения, опровергавшие прежние слухи об отравлении великой княгини. Во-вторых, в издании 1557 г. не полностью снято это известие: в главе об обрядах упоминание о смерти Елены от яда действительно отсутствует, но в «Хорографии» оно оставлено без изменений. ⁴⁷

Сопоставим две даты: смерть Елены Глинской и расправа с Иваном Овчиной Оболенским произошли в апреле 1538 г., ⁴⁸ а в сентябре 1539 г. Герберштейн побывал в Польше. ⁴⁹ Естественно предположить, что именно там и тогда он узнал о последних событиях в Москве. К сожалению, поскольку издание коллекции Акта Томициана остановилось на 1535 г., мы не можем проследить весь спектр известий, пришедших в Польшу и Литву из России в конце 30-х годов хотя бы с той же полнотой, как это было сделано выше для 1534—1535 гг. Пока опубликованы лишь отдельные документы из польских архивов, относящиеся к концу 1530-х годов, но среди

⁴⁴ Герберштейн С. 88.

⁴⁵ Herberstein, I. XIIIv. 2-й шагн.; I. XXV—XXVv. 3-й шагн.

⁴⁶ Скрынников Р. Г. Московским семиборцием // ВИ. 1973. № 2. С. 213.

⁴⁷ Герберштейн С. 88, 192.

⁴⁸ ЦСРЛ. Т. 29. С. 32.

⁴⁹ Fontes rerum Austriacarum. Bd 1. S. 322—323.

них есть один, который дает представление о слухах, вызванных внезапной смертью великой княгини Елены.

10 июня 1538 г. Станислав Гурский (составитель бесценной коллекции дипломатических документов, получившей позднее название «Акта Томициана») в письме падуанскому студенту Клементу Яницкому в числе прочих новостей сообщил следующее: «Великий князь Московский ослеплен (*saccus factus est*), а мать его, великая княгиня, умерла. Бог покарал за коварство тех, кто своих дядей и родственников-князей, чтобы легче захватить власть, злодейски умертвил».⁵⁰

Это известие интересно не сообщаемыми в нем фактами (слух об ослеплении Ивана IV оказался, разумеется, ложным), а их интерпретацией: смерть великой княгини рассматривается как Божья кара за совершенные ею преступления. По существу та же идея возмездия присутствует и в рассказе Герберштейна, особенно это заметно в «Хорографии»: «Немного спустя и сама жестокая погибла от яда».⁵¹ Наконец, в приведенном польском известии 1538 г. на правительницу и ее сына возлагается вина за гибель их «дядей и родственников»: дядя Ивана IV — это Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий, а дядя его матери великой княгини Елены — Михаил Глинский. И здесь опять-таки явное сходство с «Записками о московских делах»: Герберштейн приписывает расправу с этими тремя князьями именно Елене Глинской. Вообще все события, происшедшие в Москве после смерти Василия III, увидены автором «Записок» как бы из 1538 г. Весь материал, состоящий из разновременных известий, скомпонован и подчинен идее противоборства доблести и злодейства и неминуемого наказания порока. Скорее всего, замысел данного фрагмента «Записок» окончательно сложился у Герберштейна под влиянием информации, полученной во время визита в Польшу в сентябре 1539 г.

Таким образом, суммируя наблюдения, мы должны признать, что ценность сочинения Герберштейна как источника по внутривосточной истории Русского государства 30-х годов XVI в. весьма невелика. Фактическая основа этой части «Записок о Московии» целиком заимствована из польских известий, при компоновке которых Герберштейн не избежал анахронизмов, а также излишней морализации и упрощения картины событий. Большого внимания исследователей заслуживают польские источники 30-х годов XVI в. Особый интерес представляют известия об учреждении опекунского совета при малолетнем Иване IV, а также об отношениях между великокняжеским окружением и удельными князьями Юрием и Андреем в первые годы после смерти Василия III. Сопоставление этих данных с летописями и другими русскими источниками, а также прослеживание каждого слуха в его развитии позволяют выделить в этих известиях достоверную основу. Введение их в научный оборот возможно, на мой взгляд, существенно пополнить наши сведения об истории внутривосточной борьбы в годы правления Елены Глинской.

⁵⁰ Corfus J. Documente Privitoare la Istoria Românilor culese din arhivele polone. Secolul al XVI-lea. București, 1979. N 4. P. 5.

⁵¹ Герберштейн. С. 192.